

УМНОЕ ДЕЛАНИЕ ВСЕГДА ПРИНОСИТ ПЛОДЫ

(Интервью В. П. Ракова с В. С. Меметовым)

Валерий Сергеевич Меметов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, заведующий кафедрой истории и русской культуры, Директор Межвузовского центра гуманитарного образования РФ по политологии, политической культуре и мировой политике, а также директор НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Имя ученого хорошо известно в России, в ближнем и дальнем зарубежье. Исследователи гуманитарной проблематики, особенно интеллигентоведения, не только знают и ценят труды В. С. Меметова, но и творчески сотрудничают с основанными им Центром и НИИ.

В феврале 2009 года ученому исполнилось 70 лет. Редколлегия журнала сердечно поздравляет Валерия Сергеевича с юбилеем, желает ему здоровья, реализации его творческих замыслов и завершения проектов, связанных с совершенствованием структуры плодотворно работающих и возглавляемых им научных сообществ. Хочется пожелать процветания и такому его детищу, как «Интеллигенция и мир» – журналу, который вы держите в руках.

Ниже публикуется текст беседы с Валерием Сергеевичем, которую провел сотрудник редколлегии профессор В. П. Раков.

В. П. Раков. Эту беседу хочется начать с лирической ноты, с воспоминания о нашей с Вами молодости, с тех лет, когда мы были аспирантами знаменитого ныне университета – МПГУ. Хорошая, хотя и противоречивая, была тогда атмосфера в нем. Конец 1960-х годов. Труднообъяснимый энтузиазм в культурном климате общества, литературный дебют А. Солженицына, лекции С. Аверинцева с его для многих непривычным языком дискурса, либерализм и внимание к молодым ученым. Импозантная фигура академика А. Л. Нарочницкого с его пристальным и доброжелательным взглядом на собеседника. И, конечно же,

А. Ф. Лосев, сопровождаемый шумливыми аспирантами, которые сопровождали его в лекционную аудиторию. Слушателей было много, и мы – среди них. С замиранием сердца слушали мы всегда бодрого и молодежавшего старца. Все это в словах почти непередаваемо, но оно питало нас, привнося чувство радости и в процесс обучения, и в исследовательскую работу.

В эти годы как нельзя более ярко выявилась Ваша преданность одной, но весьма широкой и едва ли не безбрежной теме – теме интеллигенции. Насколько мне помнится, трудились вы неустанно. Библиотеки – «Ленинка», БАН, а также архивы – не только столичные, но и областные. Разыскания, писания статей, доклады, поездки, хлопоты по изданию кафедральных сборников. Мобилизованность сил и времени. Таков «текст» вашей жизни тех лет. Но это – взгляд со стороны. А каким было Ваше личное ощущение времени, что Вам казалось тогда важным в гуманитарной науке и почему избрана диссертационная тема, оказавшаяся, как сейчас ясно, «пожизненным» пристрастием ?

В. С. Меметов. Да, бесспорно, время было интересным, а его оценка и сегодня вряд ли может быть однозначной. В частности, меня всегда, мягко выражаясь, смущали идеологические загоны, применявшиеся к выбору тематики научных исследований. При этом оговаривались границы дозволяемых методов исследования. Ущербность таких педагогических стратегий в науке мне стала ясна, как только я приступил к размышлениям о теме кандидатской диссертации, оказавшись в каком-то замкнутом кольце, где расставлены вехи с надписями: туда не ходи, этого делать нельзя, а вот это отложи до лучших времен, иначе... Передо мной встал вопрос не просто о выборе темы, но именно такой темы, которая обладала бы, вспоминая лексикон нашего аспирантского объединения, подъемной силой. Можно сказать и по-другому: ... которая имела бы признаки расширяющейся научной перспективы.

Сборник «Вехи» нам тогда был недоступен, но я интуитивно чувствовал, что уж коли я остановился на теме интеллигенции, то трактовать

это понятие нельзя заужено, в системе общепринятого в то время научного языка. Требовалось обдумать ситуацию и озаботиться вопросом обогащения понятийного аппарата, но сделать это так, чтобы не было риска провала. В конце концов, я сосредоточил свое исследование вокруг таких, как сейчас говорят, концептов, как Родина, патриотизм, подвиг, бескорыстие и жертва. Специальным разделом диссертации была выделена проблема *слова* или, по-нынешнему, идейного дискурса. Получилось (и в этом не было ничего плохого) двойная призма восприятия Отечественной войны 1941-1945 г.г.; одна из них отражала события первого слоя, то есть то, как они запечатлевались в военных сводках, приказах и других деловых документах фронтовых штабов и Ставки Верховного командования. Другой же уровень – это человековедческий срез происходящего, реакция на события со стороны солдат, офицеров и той интеллигенции, которая находилась в гуще военного бытия, часто создавая кинорепортажи и литературные очерки в ситуациях едва ли не прямого столкновения с вражеской армией. Вникая в огромный пласт фактов, я понял, что людьми, идущими на смерть, руководит не какая-то пропагандистская идеология, но что-то более важное, что-то такое, что превышает сугубо индивидуальных переживаний. Тут – другая высота человеческого духа, другая система оценок и переживаний. Оттого-то, при изучении материалов, касающихся обороны Москвы, невольно выдвинулась тема вечная: Столица – Родина – подвиг – смысл личностного существования и др. Я – историк, а не философ и не филолог, поэтому не стоит ожидать от меня картин в жанре батальной живописи или историософских размышлений, но то, что сделано, сделано: книга об обороне Москвы, увидевшая свет в издательстве «Наука», пользовалась спросом. Воздаю должное ныне покойному профессору С. А. Федюкину, чьи советы и ободрение очень помогли мне в период моего профессионального становления.

Ну, а докторская диссертация далась легче: ведь приобретенные навыки работы с документами, а также окрепшая культура мышления

ускорили дело. Тема интеллигенции была рассмотрена в более объемной системе координат, позволившей реконструировать широкую картину созидательной деятельности различных объединений писателей, художников, музыкантов, драматических актеров и других мастеров интеллектуального сообщества. А затем... Затем наступили иные времена. Но творчески я оказался к ним подготовлен, хотя никогда не принимал безответственных идей и неумелого праксиса наших неолибералов, приведших страну к печальным итогам.

Могу сказать, что мои исследования не прекращались, но теперь я стал прилагать усилия для создания коллектива единомышленников в изучении проблем интеллигенции. Я привлек к работе не только специалистов-историков, но и политологов, философов, культурологов, филологов и таким образом были созданы условия для дальнейшего продвижения и развития научных и методических исследований.

В. Р. Но это уже было время нашего творческого сближения и активного сотрудничества. Однако Вы не сказали о том, что и до этой поры успешно действовал НИИ интеллигентоведения, правда, с малым штатом сотрудников, которые, тем не менее, были преисполнены творческого порыва и каждый год публиковали множество статей, а то и монографий в соавторстве с Вами. Не могли бы Вы кратко охарактеризовать этот этап работы коллектива?

В. М. Как принято говорить в таких случаях, это была романтическая пора. Сотрудники НИИ были молодыми людьми, но каждый – со своим творческим стилем, интересно трактуемой проблематикой и широкой фактологической базой. Основательность проводимых исследований – черта, унаследованная ныне и другими сотрудниками вновь образовавшегося сообщества, которое получило название Центра, обозначенного в вводной заметке к тексту нашей с Вами беседы. Новый центр, кстати, включает в себя и НИИ интеллигентоведения – как одно из своих подразделений, отличающихся научной плодотворностью. Развиваются и традиции. Там, в

прошлом, было проведено по тематизируемой проблематике 12 Международных научных конференций. Ныне готовится двадцатая, юбилейная. Эти симпозиумы проходят обычно в сентябре, что непременно запечатлевается в специальном томе публикуемых материалов. Объем издания – 20 п.л.

В. Р. Да, впечатляющие данные. Двадцать томов исследовательских сочинений – целая библиотека! Я не знаю ни одной кафедры университета, ни одной его структуры, которые бы работали столь интенсивно. Я полагаю, что читателям журнала интересно будет узнать тематику конференций, хотя бы тех, что были проведены в последние годы.

В. М. Сначала скажу о том, что проблемно-тематическое содержание наших конференций вырабатывается не только членами Центра и НИИ интеллигентоведения, но и всеми коллегами, которые вот уже в течении многих лет поддерживают с нами творческие связи. У нас с ними идет активная переписка, обмен актуальными научными идеями, которые концентрируются в специальном информационном банке. Количество наших корреспондентов увеличивается, причем во многом за счет приращения из ближнего зарубежья. Ученые не хотят, чтобы разрушилось некогда бывшее единым культурное пространство. Я говорю об исследователях, живущих на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в Молдавии и даже в Узбекистане. У нас окрепли контакты и с Академиями наук этих республик, особенно с Белорусской АН. Не было ни одного симпозиума, на котором не присутствовали бы интеллигентоведы из стран бывшего Советского Союза. Да мы и сами с большим интересом посещаем как конференции, так и семинары, проходящие в университетах или в отделениях АН. В частности, мне самому довелось не один раз выступать перед коллегами в Минске. Плодотворность подобных связей очевидна. Что же касается тематики конференций, то это, как я уже сказал, плод коллективного творчества. Добавлю, что вокруг Центра группируется большая когорта исследователей – около 500 человек, с каждым из которых мы имеем возможность не только

общаться посредством почты, в том числе электронной, но и в экстренных случаях по телефону. Это помогает оперативности нашей совместной работы. Назову темы проведенных конференций. Начну с той, которая вызвала повышенный интерес со стороны научной и церковной общественности. Это – «Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее и будущее» (2004г.). Рад отметить, что смысл мероприятия состоял в организации и укреплении *диалога* между светской и церковной интеллигенцией. Мне кажется, что, судя по глубоким докладам и общей атмосфере симпозиума, наш замысел удался. Надеюсь, что мы еще не раз будем возвращаться к аналогичным темам.

В настоящее время нарастает скептическое и даже нигилистическое отношение к интеллигенции и ее роли в общественной жизни. Находятся люди, которые говорят о деструктивной роли «высоколобых», при этом по своему подбирая примеры из нашей богатой и потому противоречивой истории. Мы решили обсудить эту, если так можно выразиться, горячую проблему. Поэтому в 2006 году собрались для заинтересованного разговора под девизом: «Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества». Годом позднее дискуссии продолжились в заостренно-креативном аспекте. Тематика была сформулирована так: «Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения». К заявленной проблематике, получившей широкое освещение на пленарных и секционных заседаниях, был проявлен интерес со стороны университетской общественности г.Иванова и руководящих лиц города. Так что наши усилия по активизации внимания к актуальной жизненной проблематике находят отклик. Как мы понимаем, Центру предстоит еще сделать очень много, чтобы в зоне нашего резонанса оказалось как можно больше представителей властей и общественности, иначе научные дискуссии будут походять на академические посиделки.

И вот, наконец, одна из острых проблем, которую мы обсудили в 2008 году: «Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества». Наряду с

маститыми учеными (конференция была посвящена юбилею профессора МГУ А. В. Квакина, который принял в ней участие), с докладами выступили молодые ученые – студенты, аспиранты, соискатели и докторанты самых различных специальностей. Это не могло не расширить проблемный спектр темы конференции, и следующее наше собрание мы посвятим рассмотрению исторических аспектов темы интеллигенции. Тогда же попытаемся дать типологические и формационные характеристики этого не поддающегося строгим определениям сословия.

В. Р. Я думаю, что вышесказанное дает все основания сделать вывод о непрерывающейся творческой жизни Центра и НИИ интеллигентоведения. Мне известно, что возглавляемый вами коллектив ученых ведет систематические исследования, отмеченные долговременным грантом Минва образования и науки РФ. Не могли бы вы рассказать о научных трудах ваших коллег – хотя бы в самом общем плане?

В. М. Да, вы разумно ограничиваете меня – «в общем плане», иначе пришлось бы расширить печатную площадь, отведенную для текста нашей беседы. Скажу кратко, что итоги работы выглядят вполне реально. Передо мной – два тома: это – коллективная монография «Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции» объемом в 25 печатных листов. Издание состоит из двенадцати глав, построенных на принципе исторического подхода к интеллигенции, начиная с ее генезиса и кончая ролью в социуме современной России. Хронологический диапазон исследования – XVI век-начало XXI столетия. В создании книги приняли участие специалисты разных профилей, что позволило осветить изучаемую проблематику с позиций межпредметных взаимосвязей. Целостность и единство познания – одна из парадигмальных установок ученого содружества Центра. Востребованным оказался и второй том – «Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: Исследования и учебно-методические разработки». Обе книги вышли в свет под грифом издательства «Ивановский государственный университет» в 2008 г.

Данное двухтомное издание – появилось в результате не одного года исследовательской работы. Мы задумали несколько монографий этой серии. В настоящее время готовится к печати еще два тома.

Кроме коллективных трудов, сотрудники Центра концентрируют усилия на создании статей и книг, публикуемых в журналах и в различных издательствах. В последние годы опубликованы монографии: профессора С. М. Усманова на тему мировоззрения Гоголя в национальном аспекте, моего уважаемого собеседника «Филология и культура», профессора Г. С. Смирнова «Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения». Совсем недавно увидела свет оригинальная работа доцента Д. Г. Смирнова «Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе» (22 п.л.). Опубликованы творчески интересные сочинения доцентов В. В. Комисарова и Н. Г. Юркина, посвященные разным историческим этапам интеллигенции. Профессор Ю. М. Воронов регулярно выступает со статьями политологического характера.

В. Р. Действительно, «писали – не гуляли», как говорят крестьяне в «Войне и мире» Л. Толстого. Эту шутку я позволил себе потому, что, судя по энтузиазму ваших сотрудников, для них мыслить и писать – своеобразное веселие или, по Ницше, «веселая наука». Что способствует такому замечательному настрою людей, трудящихся, по сути дела, за символическую и даже меньше того плату?

В. М. Мне кажется, что ответ тут прост, хотя его содержание далеко от обыденной простоты. Они оттого так вдохновенно трудятся, что исследовательская и мыслительная работа для них не «работа по должности», а – образ жизни. Они знают, что постоянное думание – это путь к тому, что в культурной традиции называется умным деланием, которое всегда увенчивается плодами.

Есть и еще одна причина научной пассионарности коллектива. Она заключается в том, что в творческом ансамбле Центра – люди вполне мужественного и молодого возраста. Дерзание последних поддерживается

опытом и эрудицией старших коллег, которые «заражаются» интеллектуальной живостью и острой научной реакцией своих младших сотрудников. Если угодно, я горжусь тем, что мне выпала роль дирижера этого оркестра.

В. Р. «Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук» – издание, приобретающее все большую известность и симпатии читателей. Его научный профиль богат и разнообразен. К вам приходят молодые исследователи, присылают статьи известные профессора и академики. На страницах журнала были напечатаны тексты интервью с видными специалистами в области филологии, философии и культурологи. С завидной регулярностью здесь появляются труды ученых из США, Великобритании, Германии, Италии, написанные по-русски или переведенные сотрудниками Центра. Разделяю вашу радость по поводу хорошо отлаженной работы редколлегии. Однако, как и во всяком деле, есть некое закулисье – хлопоты, волнения, порой разочарование, то есть то, что способно внушить чувство отчаяния. Я помню, как люди из числа «сочувствующих» говорили: «А зачем ему это надо?» Может быть, без затрат душевной энергии на организацию журнала, жить и работать было бы легче? Я предвижу ваш ответ и все же, каков он?

В. М. Действительно, могло бы быть легче, но – менее интересно, поместечковому уютно, но без притока свежего воздуха – душно. Как только в Центр пришли высококлассные специалисты и профессора, которые не мыслят свою жизнь без *письма*, то есть исследовательских текстов, которые нужно опубликовать буквально сию минуту, чтобы не утратить приоритет в той или иной проблематике, сразу стало ясно: без журнала не обойтись. Ко всему прочему, регулярное издание (журнал выходит четыре раза в год) расширяет и укрепляет наши связи с миром (что отражено в названии издания) и дает возможность увидеть себя в зеркале читательского восприятия. При осознании этих факторов отступить от идеи организации печатного органа было невозможно. Что же касается, говоря вашими

словами, закулисья, то правда состоит в том, что поначалу мы испытывали большие трудности, прежде всего финансового характера. Приходилось ходить, что называется, с протянутой рукой. Но мир не без добрых людей: помогли друзья и люди из городской администрации. Ну, а когда мы встали на ноги, проблемы с оплатой тиража отпали.

В. Р. И все же, что могло бы содействовать упрочению материального положения журнала?

В. М. Несомненно, утверждение его в качестве «ваковского» издания, где могли бы публиковаться аспиранты и соискатели степени доктора наук. Ректорат Ивановского университета помогает нам в продвижении к желаемой цели. Мы надеемся, что достигнем ее. Эти надежды не беспочвенны: журнал выходит с 2001 года, в нем напечатаны труды выдающихся ученых, проведены дискуссии по актуальным проблемам интеллигентоведения, философии, истории, культурологии и политологии. Отрадно отметить, что мы «не забронзовели» – чувство нарциссизма нам принципиально чуждо. «Вперед и выше!» – вот наш девиз. Пусть он звучит пафосно, но ведь любое дело должно быть освещено «далевым смыслом» или перспективами развития.

В журнале много рубрик, и я не буду их перечислять, каждый читатель, если захочет, ознакомится с ними сам. Однако считаю нужным упомянуть о таких его разделах, как «Актуальные проблемы современного интеллигентоведения», «Личность в интеллигентоведческом дискурсе». Мы внимательно относимся к начинающим ученым, и редколлегия стремится привлечь молодых авторов, для которых первая публикация в их будущей исследовательской судьбе значит весьма многое. Подобные материалы помещаются нами в разделе «Дебют».

Мы откликаемся и на новости научной жизни, сообщаем о защищенных в различных специализированных советах кандидатских и докторских диссертациях. В библиографическом разделе публикуются рецензии на новые книги. Журнал стремится удовлетворить интересы ученых

разных специальностей. Литературные портреты деятелей науки – наш ответ на пожелания студентов и аспирантов российских вузов, где мы проводили опросы по тематике интеллигентоведения.

В. Р. Теперь, Валерий Сергеевич, хотелось бы перейти к области образовательных стратегий, разработкой которых, что мне хорошо известно, занимаются сотрудники Центра. Об этом, кстати, убедительно свидетельствует недавно изданный том «Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук», который был упомянут выше. Не могли бы вы подробнее рассказать о работе коллектива в этом направлении?

В. М. Интеллигентоведение – это живая наука, она имеет дело с такой сложной сферой личности, как ее самопонимание и ориентация в многообразном культурном контексте, тесно связанном с практикой социального бытия. Когда мы провели обширное анкетирование студентов российских вузов (г. Иванова, Ярославля, Костромы, Владимира, Н. Новгорода), ответы на некоторые вопросы дали пищу для размышлений. Так, например, многие респонденты высказали пожелание, чтобы идеи и методы интеллигентоведения внедрялись в лекции и семинарские занятия как по гуманитарным, так и «точным» наукам. Предлагалось, далее, уделять большее внимание характеристикам личностей ученых, их открытиям и анализу жизни идей. Наряду с этим, были многочисленные просьбы освещать такие проблемы, как гуманитарный смысл естественнонаучных дисциплин, больше внимания уделять анализу вопросов, касающихся единства знаний в системе университетских курсов. У нас к этому времени был накоплен известный опыт построения лекционных и семинарских занятий, а также спецкурсов и потому мы оказались готовыми к встречному движению – к запросам студенческой аудитории. Нас не застали врасплох и новые веяния в области подготовки аспирантов к экзамену по философии. То, что излагается, например, в указанном «методическом» томе, было осмыслено, конечно, раньше, чем декретированные новации в программе для молодых ученых. У нас популярные занятия по такой тематике, как

«Интеллигентоведение в составе филологических, исторических, политологических, философских и иных штудий». Здесь обсуждаются вопросы, связанные и с логикой становления той или иной науки, и со спецификой ее антропного содержания, где в заостренной форме выступают ноологические аспекты мышления. В качестве еще одного, по-моему, весьма удачного примера внедрения интеллигентоведческих идей в специально-отраслевые курсы, назову уже упоминавшуюся монографию профессора Г. С. Смирнова, где теоретико-трактатной ее части сопутствуют методические указания по освоению проблематики книги и перечень вопросов, входящих в программу спецкурса. Тут же представлена обширная библиография. Аналогичные работы и материалы имеются и у других сотрудников Центра, преподающих свои дисциплины в различных вузах г. Иванова.

В. Р. Вы давно и настойчиво выступаете за включение интеллигентоведения в состав учебных дисциплин, преподающихся в университетах. Вами была высказана мысль и о том, чтобы в средней школе давались сведения об этой науке – хотя бы фрагментарные, но все же выстроенные в определенной логике. Насколько, по-вашему мнению, эти предложения привлекательны для преподавательского корпуса средней и высшей школы?

В. М. Начнем с того, что положительный ответ на ваш вопрос не будет носить абсолютного характера. Дело в том, что, судя по количеству научных трудов, созданных доцентами и профессорами, интеллигентоведение так или иначе оказывается вполне живой и востребованной дисциплиной. И это – замечательно и в высшей степени полезно для общей атмосферы университетов. Однако в настоящее время ситуация такова, что о твердом статусе интеллигентоведения в вузовских программах говорить не приходится. Это означает, что наш предмет существует на уровне спецкурсов по выбору и в составе лекций для аспирантов. Что будет в дальнейшем, сказать трудно. Пока мы не минуем переходное время с его туманными представлениями о том, что собою представляет программа подготовки

бакалавров и магистров, полагаю, что положение вряд ли изменится. Что же касается средней школы, то и здесь рассчитывать на блестящие перспективы – преждевременно. Если уж попытки внедрения «Основ православной культуры» в учебные планы старших классов вызывает упорное сопротивление, то чего можно ожидать от наших начинаний. Но мы не сидим сложа руки, развиваем проект «От лица – к университету», где культивируем наработанные методики подхода к урокам истории, литературы – в принципиальном соединении с элементами интеллигентоведения. Получается интересно и учениками наши методики не отторгаются, а, напротив, вызывают любопытство. Занимаются они с увлечением.

В. Р. В процессе нашей беседы я подумал вот о чем: конечно, результаты деятельности Центра и НИИ интеллигентоведения – налицо, издание журнала – необходимое и нужное дело, продвигать свои проекты в систему преподавания, хотя и трудно, но возможно, и что-то, к счастью, удастся сделать. Однако не кажется ли вам, что мы слишком оптимистичны? И не забыли ли мы учесть какие-то факторы, которые тормозят нашу активность, а, может быть, и просто вредят плодотворной работе? При этом я имею в виду не «человеческий фактор», как принято говорить на плохом литературном языке, – потому что в вашем сообществе – мастера своего дела, а некую системную ошибку в самой структуре нашего образовательного процесса, где права фундаментальных дисциплин, по моим наблюдениям, ныне попираются – за счет введения сомнительных по своей отраслевой надобности курсов, вроде теории менеджмента, уменьшая, тем самым, количество часов, отводимых на изучение иностранных языков, источниковедения, текстологии и других основополагающих дисциплин. Что же касается интеллигентоведения, то до него, что называется, руки не доходят. Значит, не все так светло и радостно?

В. М. Вероятно, вы правы. Но в любом случае надо делать то, к чему ты призван. Да и сам жизненный опыт говорит нам: не надо унывать. Впрок

созданное всегда отзовется результатом, который в свое время будет актуализирован, как это получилось у нас, например, с заранее подготовленными курсами лекций для аспирантов, о чем только что было сказано. Выше я отметил элемент неопределенности, характерный для системы нашего высшего образования. Каков будет вектор его полноценного развития, сейчас сказать нелегко. Ясно лишь, что гуманитаризация учебного процесса – одна из неотменяемых его доминант. А это значит, что там, где найдут себе место философия, культурология и эстетика, возникнет необходимость и в интеллигентоведении. Мы, безусловно, будем способствовать тому, чтобы события развивались в желаемом нами направлении. Что же касается практической стороны дела, то на ближайшую перспективу мы ставим задачу: создать пробный вариант учебника по интеллигентоведению. Он будет адресован студентам университетов. Возможна его переработка для учащихся старших классов средней школы. Не скрою, что этот проект потребует большой мобилизации творческих усилий, особенно при продумывании методических его аспектов. Но у нас – вполне квалифицированные специалисты, владеющие навыками преподавательского мастерства. Попробуем...

В. Р. Благодарю за беседу! Хочется пожелать осуществления всех ваших замыслов и начинаний.